

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

KEY ISSUES OF RUSSIAN LANGUAGE RESEARCH

DOI: 10.22363/2618-8163-2026-24-2-210-225

EDN: OVNOUI

Научная статья

Языковые новации «раннего» Л.Н. Толстого и их нарративно-художественные функции

Д.А. Романов , М.А. Кучерова

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Тула,
Российская Федерация
merismus@mail.ru

Аннотация. Исследованы языковые новации Толстого в повести «Юность», их вклад в развитие лексического состава русского литературного языка с последующим выявлением нарративно-художественной функции. Актуальность исследования обусловлена необходимостью детального изучения взаимосвязи языкового новаторства Толстого и его художественной системы. Научная новизна — впервые предпринимается специальный корпусный и лингвопоэтический анализ языковых новаций повести «Юность». Цель исследования — определить и классифицировать различные типы индивидуально-авторских новообразований и их роль в тексте. Методы исследования включают сквозную выборку окказиональных форм, их сопоставление с узуальной нормой (с привлечением данных системной лексикографии), корпусный метод (привлечение контекстов Национального корпуса русского языка для определения судьбы лексем в русскоязычных текстах) и контекстуально-семантический анализ для установления нарративно-художественной функции новообразований. С опорой на исторические и современные толковые словари определены отклонения новообразований Толстого от языковой узуальной нормы конца 1850-х гг. По Национальному корпусу русского языка прослежены дальнейшая судьба выявленных лексем в языке художественной литературы, оценено влияние толстовского словотворчества на лексический фонд языка. Кроме того, установлены идейно-художественные функции каждого типа новаций в раскрытии внутреннего мира героев повести и моделировании художественного повествования. Доказано, что языковое новаторство Толстого представляет собой не собрание спонтанных и единичных словоупотреблений оригинального типа, а целенаправленный поэтический прием детализации художественного пространства. Результаты исследования вносят вклад в теорию языкового новаторства и понимание механизмов влияния индивидуального авторского стиля на динамику литературного языка. Перспективы исследования видятся в продолжении работы по изучению языкового контекста всей биографической трилогии, а также в применении разработанной методики к анализу идиостилей других писателей XIX в.

© Романов Д.А., Кучерова М.А., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: биографическая трилогия, Юность, окказионализм, неологизмы, семантика, лексика, языковая норма

Вклад авторов: Романов Д.А. — постановка целей и задач, определение методологии, обработка результатов исследования, подготовка и редактирование текста; Кучерова М.А. — проведение исследования, подготовка текста.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-20226 «Контексты биографической трилогии Л.Н. Толстого: XXI век», <https://rscf.ru/project/25-28-20226/>

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 15.10.2025; принята к печати 29.01.2026.

Для цитирования: Романов Д.А., Кучерова М.А. Языковые новации «раннего» Л.Н. Толстого и их нарративно-художественные функции // Русистика. 2026. Т. 24. № 2. С. 210–225. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2026-24-2-210-225> EDN: OVNUI

Введение

Лев Николаевич Толстой по праву считается не только величайшим художником слова, но и одним из самых смелых языковых новаторов в истории русской литературы. Российское и мировое толстоведение является авторитетным направлением филологии. Уже в XIX в. первые статьи о произведениях Толстого содержали достаточное количество материала, который может быть интерпретирован не как отражение субъективного взгляда, а как полноценное научное исследование. Известная работа Н.Г. Чернышевского о «диалектике души»¹, во многом опиравшаяся на тексты биографических повестей писателя, указывала на оригинальный характер его идиостиля. XX в. дал разнообразие подходов к текстам Толстого. В работах Н.К. Гудзия², М.Б. Храпченко³, К.Н. Ломунова⁴ — толстовская трилогия рассматривалась как периферия романного жанра, как подготовительный материал для создания оригинального идиостиля.

Зарубежные ученые также внесли значительный вклад в лингвостилистическое толстоведение. А. Молнар предлагает оригинальный взгляд на построение толстовского текста (Молнар, 2023). Исследование ценно вниманием к нарративным структурам и культурному контексту, однако фокус в нем смещен в сторону идейного новаторства писателя, без детального рассмотрения лингвистических аспектов художественных поисков Толстого.

В российской науке систематические наблюдения над языком прозы Толстого начались в середине XX в. В.В. Виноградов (Виноградов, 1982) и Ю.С. Сорокин (Сорокин, 1965) рассматривали вклад писателя в развитие словарного состава русского литературного языка XIX в. как крайне значимый, хотя и избирательно воспринятый языковой системой. Виноградов отмечал,

¹ Чернышевский Н.Г. Собрание сочинений в 5 томах. Т. 3. М. : Правда, 1974. 464 с.

² Гудзий Н.К. Лев Толстой. М. : Государственное издательство художественной литературы, 1960. 213 с.

³ Храпченко М.Б. Лев Толстой как художник. М. : Художественная литература, 1971. 528 с.

⁴ Ломунов К.Н. Жизнь Льва Толстого. М. : Художественная литература, 1981. 255 с.

что уже в ранних произведениях Толстого находило воплощение «литературное пренебрежение к фразе, к аффектированным и условно-риторическим приемам» (Виноградов, 1982: 349), ссылаясь при этом на фрагмент повести «Юность», где наглядно представлен контраст между «романтически красивыми фразами» дворян и «непосредственными словами» студентов-разночинцев. Некоторые вопросы идиостиля и специфики толстовского словоупотребления поднимались в статьях Г.О. Винокура (Винокур, 1959).

В ряде научных работ исследовались различные лексические пласты, представленные в творческом наследии Толстого. В контексте возрастающего интереса к пассивному словарному составу произведений и его восприятию современным читателем подробно рассматривалась историческая (Кадим, 2017), агнонимическая (Путилина, 2017), безэквивалентная (Былинка, 2024) лексика. Кроме того, частотный словарь произведений писателя становился материалом для сопоставительного анализа со словарным корпусом других художественных текстов той же эпохи (Меркин, 2024). Интерес к частным вопросам лексического устройства произведений Толстого изначально сопрягался с исследованием фразеологического состава толстовской прозы. С точки зрения «статики» (устойчивость) и «динамики» (авторские преобразования), изучены и обобщены тексты крупных жанров (Ломов, 2018). В прикладном (в т.ч. в переводоведческом) аспекте одним из наиболее актуальных направлений изучения устойчивых сочетаний является анализ функционирования фразеологических единиц Толстого в межъязыковом пространстве (Заболотская, 2023).

Конкретных случаев введения Толстым в лексическую ткань произведения новообразований (даже с учетом их художественного потенциала) описано немного. Так, в работе «Словарь инноваций Л.Н. Толстого», объединившей лексику, фразеологию и афористику, частично систематизированы индивидуально-авторские новообразования и словоупотребления писателя (Архангельская, 2014). Но в указанном ракурсе было изучено только «зрелое творчество» писателя 1860–1880-х гг. Неологический аспект текстов Толстого, несомненно, нуждается в восполнении как с точки зрения большего их охвата (в количественном отношении), так и с точки зрения глубины (привлечение современных цифровых возможностей).

При всем богатстве исследовательской традиции комплексный анализ новообразований ранней прозы Толстого, и, в частности биографической трилогии, до сих пор не осуществлялся. **Цель исследования** — систематизировать лексические новации повести «Юность», охарактеризовать их словообразовательный тип с помощью лексикографических и корпусных методов и определить нарративно-художественные функции языковых единиц.

Материалы и методы

Материалами исследования послужили текст повести Толстого «Юность» по академическому изданию⁵, а также данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ), позволившие проследить дальнейшую судьбу выявленных

⁵ Толстой Л.Н. Юность // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 100 томах. Художественные произведения в 18 т. Т. 1. 1850–1856. М. : Наука, 2000. С. 154–276.

авторских новообразований в русской литературной традиции. В результате сплошной выборки из текста повести была сформирована авторская картотека, включившая 22 лексические новации. Для анализа и классификации все отобранные единицы были распределены по четырем основным типам:

- 1) семантические неологизмы — 1 ед. (4,54 % от общего числа);
- 2) окказиональные дериваты (отглагольные и отадективные существительные) — 10 ед. (45,45 %);
- 3) сложные дефисные образования — 6 ед. (27,27 %);
- 4) транскрибированные галлицизмы — 5 ед. (22,72 %).

В нашей работе реализуется комплексный подход, в рамках которого используются различные лингвистические и общезнаменологические методы. Под общезнаменологическими методами понимаются все исследования текста, при которых его лингвистические особенности изучаются в неразрывной связи с литературоведческими, историко-культурными и эстетическими аспектами, т.е. «предстают как материал и условие выражения литературных смыслов» (Золян, 2022: 110). На базе сплошной выборки неологизмов и окказиональных образований из текста повести осуществляется сопоставительный анализ структурно-семантических вариантов лингвистических единиц. Сопоставление отобранных лексических единиц с данными исторических^{6,7} и современных толковых словарей^{8,9,10} позволяет определить степень соответствия (отклонения) каждой единицы языковой узуальной норме XIX–XXI вв.

Кроме того, корпусный анализ лексики (с использованием данных НКРЯ) позволяет установить частотность употребления и дальнейшую судьбу языковых новаций Толстого в широком литературном контексте. Можно объективно оценить, какие из образований остались индивидуальными авторскими образованиями, а какие были в той или иной степени усвоены языком. Помимо прочего, контексты употребления лексики, предлагающиеся в НКРЯ, представляют собой довольно обширную базу для контекстуального и семантического анализа, цель которого — определить стилистический потенциал толстовских новообразований в художественном произведении.

Результаты

1. Проведена систематизация лексических новаций повести Л.Н. Толстого «Юность», которые разделены на четыре основные группы:

- 1) семантические неологизмы, возникшие в результате метафорического переосмысления узуальной лексики;

⁶ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 томах. М. : Общество любителей российской словесности, 1863–1866.

⁷ Словарь русского языка XVIII века. Вып. 5–8. Л. : Наука, 1989–1995.

⁸ Словарь русского языка : в 4 томах (МАС) / под ред. А.П. Евгеньевой. Изд. 4-е. М. : Русский язык, 1999.

⁹ *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2 томах. М. : Русский язык, 2001.

¹⁰ Большой академический словарь русского языка (БАС). Т. 1–28. М., СПб. : Наука, 2004–2025.

2) окказиональные дериваты, образованные по продуктивным моделям, «существующие лишь в конкретных контекстах и не ставшие общеупотребительными»;

3) сложные дефисные образования, служащие для передачи комплексных понятий и характеристик;

4) транскрибированные галлицизмы, введенные для адаптации иноязычной лексики.

2. С помощью методов корпусной лингвистики прослежена дальнейшая судьба выявленных новаций и определен их статус в русском языке:

1) часть единиц осталась сугубо окказиональными, уникальными для идиостиля Толстого;

2) некоторые образования, не попав в словарную кодификацию, тем не менее нашли ограниченное применение в языке художественной литературы;

3) отдельные семантические инновации были успешно усвоены языком и используются другими писателями;

4) транскрибированные галлицизмы в большинстве своем были вытеснены из узуса синонимами или более удобными формами, что наглядно демонстрирует действие закона языковой экономии.

3. Установлены и описаны ключевые нарративно-художественные функции лексических новаций в поэтике психологического реализма Толстого:

1) функция объективации внутреннего процесса: опредмечивание действий и признаков позволяет преобразовать динамическое переживание в статический объект анализа, что отражает работу сознания героя, созерцающего собственные чувства;

2) функция создания эффекта сиюминутности и детализации: звукоподражательные окказионализмы фиксируют продолжительный звуковой фон, а «двойная» суффиксация дробит цвет для передачи сложных зрительных впечатлений, максимально приближая читателя к восприятию героя;

3) характерологическая функция: использование транскрибированных галлицизмов в несобственно-прямой речи Николенки служит средством речевой характеристики, подчеркивая европеизированный характер его воспитания и мировосприятия;

4) функция критической оценки: сложные дефисные образования с семантикой антонимичности используются для разоблачения фальши и внутренней противоречивости представителей высшего общества.

Обсуждение

В произведениях Толстого неологизмы представлены преимущественно семантическими преобразованиями, при которых значение употребляемой лексемы не соответствует или соответствует не в полной мере узальному значению, закрепленному словарями русского языка того периода. Такие семантические неологизмы встречаются и в повести «Юность». Так, частотное для русского языка слово *оцаранать*, зафиксированное в толковом словаре

Даля в единственном значении ‘провести царапину, содрать кожу’¹¹, впервые в русской литературе употребляется Толстым в значении ‘нанести вред вообще, в т.ч. моральный; задеть’: «... это замечание только чуть-чуть **оцарапало** меня...»¹². Лексема приобретает новое, метафорическое значение, основанное на «сходстве между психическими явлениями и реалиями внешнего, материального мира» (Фалеева, 2021: 56), именно в толстовском тексте, посвященном изображению внутреннего мира взрослеющего человека. Это подтверждает тезис Е.Н. Купреяновой о том, что, «стремясь передать явления внешнего мира во всех тех „подробностях чувств“, которые они рождают у человека, Толстой часто строит словесный образ... на ассоциативных связях...»¹³.

В дальнейшем, по данным НКРЯ, в художественной литературе используется преимущественно узуальное значение этого слова ‘нанести физический урон’, однако уже в начале XX в. начинает активно употребляться и значение, предложенное Толстым: «*Коли оцарапано сердце, то уж всегда будет болеть...*»¹⁴ и др.

В современных толковых словарях это значение отсутствует: ср. *оцарапать* ‘сделать на чем-либо царапину; поцарапать’¹⁵; *оцарапать* ‘повредить чем-либо колючим или острым, оставив на чем-либо или на чьей-либо коже царапину’¹⁶; *оцарапать* ‘повреждать поверхность чего-либо колючим’¹⁷. Однако из 338 контекстов, зафиксированных НКРЯ, в 23 это слово встречается в том значении, которое придал ему Толстой (6,8 % от общего числа словоупотреблений). Такой процент свидетельствует о частичной усвоенности лексемы в языке последующей художественной литературы, где «языковая свобода, как правило, имеет какие-либо опоры в прошлом» (Фещенко, 2023: 110).

Словопроизводство в XIX в. являлось одним из активных процессов пополнения лексики. Подобные образования нередки для толстовских текстов, в т.ч. для повести «Юность». Такие индивидуально-авторские неологизмы, как *шляние*, *похряскивание*, *похряхтывание*, *капризничанье*, *подсмеивание* являются производными отглагольными существительными, выражающими так называемую «опредмеченность» действия. Несмотря на то, что эти лексемы образованы продуктивным для русского языка способом суффиксальной деривации, они вводятся Толстым для усиления выразительности текста, конденсации и объективации процесса, а не для номинации нового явления и, следовательно, в узусе не закрепляются.

¹¹ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 томах. М. : Общество любителей российской словесности, 1863–1866.

¹² *Толстой*, 2000. С. 186.

¹³ *Купреянова Е.Н.* Молодой Толстой. Тула : Тульское книжное издательство, 1965. С. 47.

¹⁴ Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: ruscorpora.ru (дата обращения: 17.08.2025). (Максим Горький. Трое (1901)).

¹⁵ Словарь русского языка : в 4 томах (МАС) / под ред. А.П. Евгеньевой. Изд. 4-е. М. : Русский язык, 1999. Т. 2. С. 730.

¹⁶ *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2 томах. М. : Русский язык, 2001. Т. 2. С. 1204.

¹⁷ Большой академический словарь русского языка (БАС). Т. 1–28. М. ; СПб. : Наука, 2004–2025. Т. 15. С. 185.

Окказионализмы *шляние*, *капризничанье*, *подсмеивание* в приведенных контекстах оказываются не столько совершаемыми действиями, сколько длительными процессами, тяготеющими к состоянию, характеристическим свойствам поведения: «*Вне учения занятия мои состояли: в уединенных мечтах и размышлениях, в деланиях гимнастики... в шлянии без всякой определенной цели...*»¹⁸; «*...мне подавали повод к внутреннему подсмеиванию...*»¹⁹; «*...прозаические воспоминания детства — линейка, простыня, капризничанье — были еще слишком свежи в памяти...*»²⁰. Эти лексемы часто оказываются вписаны в ряд однородных членов, выраженных отглагольными существительными (*размышление, делание, шляние*). Подобная конструкция еще раз показывает их структурно-семантическую связь с активацией действия, мыслящегося как состояние или свойство.

В том же значении слово *шляние* употребляется в контекстах, отраженных в НКРЯ и относящихся к разным эпохам создания литературных произведений. Приведем лишь некоторые из них: «*Берг тогда посоветовал ему прекратить шляние по кабачкам, продолжить самообразование...*»²¹; «*...вместилось столько разговоров, лежания в постели, шляния по улицам...*»²². Как видно из приведенных примеров, это просторечное новообразование, впервые используемое в повести Толстого с целью поведенческой характеристики Николеньки, находит если не активное, то по крайней мере не единичное употребление (18 контекстов, включая толстовский). Схожей является история более нейтрального новообразования *подсмеивание*, вошедшего впоследствии и в толковый словарь Даля со значением ‘действие по глаголу подсмеиваться’²³ (всего 10 контекстов). В отношении третьего окказионализма (*капризничанье*) в НКРЯ обнаруживается 5 примеров употребления этого слова, начиная с текста повести «Юность».

Как и в случае со словом *капризничанье*, которое в контексте пассивного действия (воспоминания) приобретает еще и фоновую семантику, окказионализмы *похряскивание* и *похряхтывание*, образованные на базе звукоподражательных глаголов, фиксируют не мгновенный звук, а его протяженность. Это создает в нарративе непрерывный звуковой фон, способствующий более глубокому пониманию художественной действительности. Объекты фиксируются во внутреннем мире молодого героя не как отдельные фрагменты, а как единое полотно явлений и событий: «*...улицы и несносный оглушительный шум мостовой сменились просторным видом полей и мягким похряскиванием колес по пыльной дороге и весенний пахучий воздух и простор охватил*

¹⁸ Толстой, 2000. С. 154.

¹⁹ Там же. С. 269.

²⁰ Там же. С. 226.

²¹ НКРЯ (Василий Аксенов. Любовь к электричеству (1969)).

²² НКРЯ (Сергей Есин. Марбург (2005)).

²³ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 томах. М. : Общество любителей российской словесности, 1863–1866. Т. 3. С. 186.

меня со всех сторон...»²⁴; «Часто я находил большое волнующее наслаждение... слушать... **покрахтывание** Фоки...»²⁵.

По данным НКРЯ, существительное *покрахтывание*, как и производящий глагол *покрахтывать*, в аналогичном (и единственном) значении использовались в художественной литературе второй половины XIX в. (40 контекстов). В то же время лексема *похряскивание* и соответствующий глагол *похряскивать* более не фиксируется ни в одном контексте и представляет собой «явление окказионального словотворчества» Толстого (Романов, 2019: 96).

Схожим свойством трансляции изначально непредметных компонентов художественной действительности посредством их объективации обладают и окказионализмы *вошебность* и *речивость*, называющие признак как абстрактный предмет, гипотетически подвластный умственному созерцанию. *Вошебность*, в понимании Толстого, это не столько свойство, сколько концентрированная сущность, становящаяся предметом размышления и ощущения Николеньки («Но, исключая общей черты невозможности — **вошебности мечтаний...**»²⁶). И хотя эта лексема не фиксируется ни современными, ни историческими словарями, в аналогичном толстовскому значении она находит место в 9 текстах художественной литературы середины XX – начала XXI вв.

Лексема *речивость* впервые используется Толстым в повести «Детство» (причем, по данным НКРЯ, это первое словоупотребление лексемы) и повторяется в «Юности» при характеристике одного и того же персонажа (княгини Корнаковой): «Княгиня очень много говорила и по своей **речивости** принадлежала к тому разряду людей, которые...»²⁷; «...заговорила она [княгиня] с своей обыкновенной **речивостью**»²⁸. В отличие от прилагательного *речистый* ‘говорливый, болтливый, словоохотливый’²⁹, зафиксированного в словаре Даля, *речивость* понимается Толстым как качество, мыслящееся «самостоятельным явлением» и становящееся объектом наблюдения и оценки. В дальнейшем эта лексема, не получившая иных значений, встречается однократно в одном тексте середины XX в., что свидетельствует о ее окказиональном характере.

В случаях с опредмечиванием действия и качества работает один художественный принцип, основанный на трансформации динамического процесса или мимолетного признака, ощущения в статический, в определенном смысле самостоятельный объект, который можно рассмотреть со всех сторон, проанализировать его причины и следствия. Этот принцип изображения художественной действительности, при котором внутренний процесс становится

²⁴ Толстой, 2000. С. 204.

²⁵ Там же. С. 236.

²⁶ Там же. С. 158.

²⁷ Там же. С. 52.

²⁸ Там же. С. 198.

²⁹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 томах. М. : Общество любителей российской словесности, 1863–1866. Т. 4. С. 83.

объектом созерцания (Zweers, 1971: 45–47), позволяет глубже проникнуть в сознание героя: персонаж не просто *подсмеивается*, он словно бы наблюдает за своим *подсмеиванием* как за чем-то отдельным от себя. Разница в точке зрения на действие или признак (с позиции морфологизированного средства их выражения или с позиции их предметности) позволяет рассматривать бытовую сцену как часть философского размышления (Liu, Xu, Talybina, 2023).

Говоря о структурно-семантических новообразованиях, необходимо отметить такие прилагательные, как *голубоватенький*, *зеленоватенький* и *лиловатый*. Несмотря на то, что они сохраняют колористическую семантику, а подобная модель словообразования не является новой для русского языка XIX в. (Иорданиди, 2025: 92), эти лексемы примечательны тем, что впервые употребляются именно на страницах произведения Толстого (*голубоватенькие дрожки*, *зеленоватенькая материя*, *лиловатая поверхность реки*). В то время как в толковых словарях (как исторических, так и современных) фиксируются лексемы *голубоватый* ‘неярко голубой’^{30,31} и *зеленоватый* ‘слабо зеленый’^{32,33} как финалы соответствующих словообразовательных цепочек³⁴, Толстой присоединяет к словам, в производной основе которых уже содержится суффикс с уменьшительным значением, морфему, семантически связанную со «снижением интенсивности проявления признака»³⁵. Такое «дробление» цвета способствует усилению эффекта зрительной точности в изображении объектов художественной действительности. Толстой пытается перенести на страницы работу человеческого зрения, которое часто видит не чистые спектральные цвета, а сложные, смешанные или приглушенные тона.

В отличие от вышеупомянутых лексем, слово *лиловатый*, введенное в язык художественной литературы именно Толстым, фиксируется и в современных толковых словарях со значением ‘имеющий лиловый оттенок’³⁶. Количество контекстов из НКРЯ для слова *лиловатый* в значительной мере превышает количество контекстов для окказиональных новообразований *голубоватенький* и *зеленоватенький* (в соотношении 282:4:2). Это объясняется прежде всего тем, что лексема *лиловатый* образована по аналогии с узуальными лексико-семантическими вариантами *зеленоватый* (ср.: 3274 примера в НКРЯ) и *голубоватый* (ср.: 1993 примера в НКРЯ) посредством «одиночной», а не «двойной», семантически дублетной суффиксации, нередко избыточной

³⁰ Словарь русского языка XVIII века. Вып. 5. Л.: Наука, 1989. С. 160.

³¹ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 томах. М.: Общество любителей российской словесности, 1863–1866. Т. 1. С. 327.

³² Словарь русского языка XVIII века. Вып. 8. Л.: Наука, 1995. С. 164.

³³ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 томах. М.: Общество любителей российской словесности, 1863–1866. Т. 1. С. 607.

³⁴ *Тихонов А.Н.* Словообразовательный словарь русского языка: в 2 томах. Т. 1. Словообразовательные гнезда. А–П. М.: Русский язык, 1990. С. 367.

³⁵ *Лопатин В.В., Улуханов И.С.* Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. С. 569.

³⁶ *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 томах. Т. 1. М.: Русский язык, 2001. С. 789.

для широкого употребления. Таким образом, «отклонение от словообразовательного типа (модели)... повышает градус экспрессивности новообразования» (Жданова, Рацибурская, 2024: 356).

Одним из аспектов словотворчества Толстого является дефисное сложение слов, и, как правило, такое конструирование осуществляется по модели *наречие + прилагательное* или *прилагательное + прилагательное*. Дефисные образования — сознательный художественный прием, позволяющий с определенной точностью и лаконичностью называть сложные явления внутреннего мира человека.

В повести «Юность» обнаруживаются сложные прилагательные, производящие основы которых находятся в семантических отношениях 1) контекстуальной дополнительной или 2) контекстуальной антонимичности. В текстах Толстого, как правило, тематически эти слова связаны с параметризацией нравственных качеств, свойств поведения (в т.ч. мимического и речевого). «Сложения пояснительного типа, имеющие состав: вторая часть — адъектив, первая (наречная) его уточняет или поясняет» характеризуются Е.А. Земской как «высокоактивные» и для современного русского языка (Земская, 1992: 49).

В толстовском тексте семантика подобных образований шире. Если слова первой группы семантически конкретизируют признак предмета или действия, к которому относится характеристика (*дружески-родственно, добродушно-веселый, равнодушно-рассеянный*), то слова, производящие основы которых находятся в отношениях контекстуальной антонимичности, с одной стороны, показывают внешнюю характеристику, ту, которую персонаж транслирует окружающим, и, с другой стороны, выявляют ее искусственность: *приторно-рассеянно, благородно-самодовольный, самодовольно-кроткий*. В исследованиях языкового новаторства «зрелого» Толстого отмечается: «...отдельную семантическую группу составляют так называемые «мнимые оксюмороны», когда в состав сложного слова входят противоположные по семантике корни или компоненты, традиционно не сочетающиеся, семантически взаимоисключающие в узуальном употреблении. В таких случаях цельнооформленность сложного слова влечет за собой его значительную воздействующую силу, повышает художественный эффект соответствующего отрезка текста» (Романов, 2020: 275). В лексической ткани повести «Юность» Толстой использует «мнимые оксюмороны» преимущественно при характеристике представителей высшего общества, подчеркивая таким образом «искусственность» светского общества (Ланская, 2020: 65–66).

В корпус лексических новаций Толстого входят осуществленные писателем транскрипции и транслитерации ряда иноязычных, главным образом французских, лексем: *кюльтивировать* (фр. *cultiver*), *мальтрепировать* (фр. *maltraiter*), *комильфотный* (фр. *comme il faut*), *адмирация* (фр. *admiration*). Повестью «Юность» эти единицы были впервые введены в кириллическом оформлении, что свидетельствует о попытке их языковой адаптации. Судьба подобных новаций в языке определяется действием закона языковой экономии. Как показывает дальнейшая история языка, большая часть приведенных

толстовских форм не была закреплена в узусе. Так, слово *культивировать* ‘усиливать, подкреплять, развивать’ в том графическом оформлении, в котором его перенес на русскую почву Толстой, употребляется лишь в 3 контекстах, включая толстовский, и уже в 60-е гг. XIX в. уступает место варианту с упрощенной фонетической структурой *культивировать*, используемому гораздо активнее (1494 словоупотребления в НКРЯ).

Слово *мальтретировать*, впервые употребленное Толстым в повести «Юность» («...*больно смотреть, как он мальтретирует эту княжну...*»³⁷), представляет собой попытку максимально точно передать фонетический облик французского глагола *maltraiter* ‘плохо обращаться’ средствами кириллицы и так же, как предшествующий пример, не находит фиксации не только в узуальных источниках, но и в иных письменных источниках. НКРЯ предлагает, помимо толстовского, 5 употреблений этой лексемы — в художественных текстах конца XIX – начала XX вв.

Подобные индивидуальные авторские новообразования, как уже говорилось, не закреплялись в русском языке. С одной стороны, происходило их вытеснение исконными синонимами: по данным НКРЯ, употребленная впервые Толстым лексема *адмирация* встречается лишь в 4 контекстах, тогда как исконное синонимичное слово *восхищение* — в 7236 примерах. С другой стороны, как в случае со словом *комильфотный*, в языке закреплялась усеченная и неизменяемая форма *комильфо*, соответствующая норме языка-источника (количество контекстов — 26:108 соответственно). «Избыточность словоупотребления, сосуществование слов, тождественных по значению, неизбежно вызывает в дальнейшем их смысловое размежевание», а нередко и полное вытеснение одной лексемы другой (Сорокин, 1965: 25). Такая «избирательность» наглядно показывает, как языковая система со временем отбирает наиболее удобные и эффективные средства для выражения того или иного понятия, отсеивая избыточные или фонетически неудобные формы.

Тем не менее в произведениях художественной литературы и в толстовской трилогии особенно такие галлицизмы имеют отчетливо выраженную характерологическую функцию. Большая часть заимствованных неологизмов реализуется в несобственно-прямой речи Николеньки, репрезентируя особенности его мировосприятия и подчеркивая европейский характер воспитания героя. Кроме того, включение подобных слов в лексическую ткань произведения демонстрирует активный экспериментаторский подход писателя к языку, способствующий решению конкретных художественных задач.

Заключение

Проведенный анализ языкового своеобразия повести Толстого «Юность» наглядно демонстрирует, что его лексические новации (семантические сдвиги, окказиональные слова, дефисные конструкции, кириллическое оформление иноязычной лексики) не были стилистической самоцелью. Каждое из рас-

³⁷ Толстой, 2000. С. 203.

смотренных явлений: метафоризация значений, опредмечивание действий и признаков, неологическая деривация, введение русифицированных галлицизмов — подчинено общей художественной установке автора.

Эта установка заключается в стремлении к психологическому реализму, к фиксации сиюминутного, изменчивого и противоречивого потока сознания формирующейся личности. Толстой находит и создает именно те лингвистические и стилистические средства, которые позволяют ему объективировать внутренние процессы, превратить мимолетное ощущение в предмет созерцания, а сложное переживание — в лаконичную и емкую языковую форму. Таким образом, все рассмотренные новообразования, даже те, что не закрепились в узусе, являются неотъемлемой частью художественного мира, в котором язык становится репрезентантом мысли и чувства, а экспериментаторский подход к его средствам — следствием бескомпромиссного поиска высшей правды о человеке.

Проведенное исследование не претендует на исчерпывающую полноту и подразумевает расширение предложенного аналитического подхода. Во-первых, логичным продолжением работы представляется комплексное изучение языкового новаторства на материале всей биографической трилогии Толстого («Детство», «Отрочество», «Юность»). Сравнительный анализ позволит выявить эволюцию толстовского словотворчества и соотнести ее с развитием психологизма как доминанты его художественной системы. Во-вторых, разработанная методика (синтез сплошной выборки, лексикографической верификации и корпусного анализа для установления художественной функции) может быть применена к изучению идиостилей других писателей-реалистов второй половины XIX в. Это дает возможность рассматривать словотворчество как один из приемов психологического реализма в русской литературной традиции.

Список литературы

- Архангельская Ю.В. О «Словаре инноваций Л.Н. Толстого: лексика, фразеология, афористика» // Вестник Новгородского государственного университета. 2014. № 83-1. С. 56–60. EDN: TFLTWX
- Былинка А.И. Безэквивалентная лексика в переводе романа Л.Н. Толстого «Война и мир» // Наукосфера. 2024. № 5-1. С. 375–378. <https://doi.org/10.5281/zenodo.11191182> EDN: ELWJDU
- Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М. : Высш. школа, 1982. 528 с. EDN: VTFVXF
- Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М. : Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1959. С. 229–259.
- Жданова Е.А., Рацибурская Л.В. Лексико-словообразовательные новации в русскоязычной интернет-коммуникации: продуктивные словообразовательные модели // Русистика. 2024. Т. 22. № 3. С. 350–362. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-22-3-350-362> EDN: RRNCCG
- Заболотская А.Р. Фразеологические единицы в повести Л.Н. Толстого «Семейное счастье» и особенности их перевода на английский язык // Российские исследования. 2023. Т. 4. № 2. С. 37–45. EDN: ATCECW

- Земская Е.А.* Словообразование как деятельность : монография. М. : Наука, 1992. 221 с. EDN: SIRWQD
- Золян С.Т.* Юрий Лотман: о проблемах языка и языкознания // Вопросы языкознания. 2022. № 1. С. 106–119. <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2022.1.106-119> EDN: KRLXO
- Йорданиди С.И.* Теоретические основы русского словообразования в работах В.В. Лопатина и И.С. Улуханова // Научные направления и школы в современной славянской лексикографии : монография. СПб : ИЛИ РАН, 2025. С. 77–98. <https://doi.org/10.30842/978560518949706> EDN: MCOBIW
- Кадим М.М.* Устаревшая лексика русского языка: архаизмы (на материале произведения Л.Н. Толстого «Кавказский пленник» и статьи «Несколько слов по поводу книги «Война и мир»») // *Philologos*. 2017. № 3 (34). С. 55–61. EDN: ZHKDJP
- Ланская О.В.* Устная коммуникация как отражение пространства дома в творчестве Л.Н. Толстого // Проблемы на устната комуникация. 2020. Vol. 9. № 2. Pp. 61–69.
- Ломов А.Г.* К теории «статической» и «динамической» фразеологии // Вопросы филологии в современных исследованиях. Елец, 2018. С. 338–342. EDN: UUASGO
- Меркин Б.Г.* Детские произведения Л.Н. Толстого и К.Д. Ушинского. Сопоставительный анализ на основе частотного словаря лексики // Русский язык в современном образовательном пространстве : сб. науч. трудов. Смоленск : ГАУ ДПО СОИРО, 2024. С. 115–127.
- Молнар А.* Развенчание языка церкви Л.Н. Толстым в романе «Воскресение» // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2023. № 3. С. 145–156. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-145-156> EDN: AIQNMA
- Путилина М.А.* Проблема агнонимии в современном языкознании. агнонимическая лексика религиозной сферы в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» // «Ищите же прежде Царствия Божия и правды Его» (Мф. 6:33) : материалы XII Междунар. форума. Липецк : Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2017. С. 200–202. EDN: ZGRBRD
- Романов Д.А.* Языковые новации произведений Л.Н. Толстого 1870–1890-х гг. на фоне семантической и стилистической неологии его творчества // Труды Института русского языка РАН им. В.В. Виноградова. 2019. № 19. С. 92–99. EDN: TWWIFR
- Романов Д.А.* Авторские сложные слова (новообразования) в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» // Лекантовские чтения : материалы Междунар. научн. конф. М. : ИНУ МГОУ, 2020. С. 270–276. EDN: RTJSMR
- Сорокин Ю.С.* Развитие словарного состава русского литературного языка в 30–90 гг. XIX в. М., Л. : Наука, 1965. 565 с.
- Фалеева А.С.* Лексема *весна* как средство образной репрезентации внутреннего мира человека // Мир русского слова. 2021. № 4. С. 55–64. <https://doi.org/10.24412/1811-1629-2021-4-55-64> EDN: IDVEEO
- Фещенко В.В.* К сердцу языка — через дискурс: о способах трансфера неологизмов // Известия Восточного института. 2023. № 1 (57). С. 106–114. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/106-114> EDN: VPFXMB
- Liu X., Xu M., Talybina E.V.* Aspect and tense forms of the Russian verb in describing the kinetic behaviour of the characters in A.P. Chekhov's stories // Русистика. 2023. Т. 21. № 1. С. 64–78. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-1-64-78> EDN: ZLYYYW
- Zweers A.F.* Grown-up narrator and childlike hero: an analysis of the literary devices employed in Tolstoj's trilogy *Childhood, Boyhood and Youth*. Hague : Mouton, 1971. 165 p.

Сведения об авторах:

Романов Дмитрий Анатольевич, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Российская Федерация, 300026, Тула, пр-кт Ленина, д. 125. *Научные интересы*: региональные лингвистические исследования, теория языка, теория литературы, лингвопоэтика, лингвостилистика. ORCID: 0000-0002-9650-3408. SPIN-код: 1110-3808. E-mail: kafrus@rambler.ru

Кучерова Мария Александровна, ассистент кафедры русского языка и литературы, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Российская Федерация, 300026, Тула, пр-кт Ленина, д. 125. *Научные интересы*: семиотика, теория коммуникации, лингвопоэтика, лингвостилистика. ORCID: 0009-0009-2502-7481. SPIN-код: 4137-4278. E-mail: merismus@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-8163-2026-24-2-210-225

EDN: OVNOUI

Research article

Language innovations of the “early” L.N. Tolstoy and their narrative-artistic functions

Dmitry A. Romanov , Maria A. Kucherova

L.N. Tolstoy Tula State Pedagogical University, Tula, Russian Federation

merismus@mail.ru

Abstract. The study explores Tolstoy’s linguistic innovations in his novella “Youth” and their role in the development of Russian literary language vocabulary and then identifies their narrative and artistic function. The relevance of this study stems from the need for a detailed examination of the relationship between Tolstoy’s linguistic innovations and his artistic system. The scientific novelty of the article lies in the fact that the authors conduct corpus and linguistic-poetic analysis of linguistic innovations in the novella “Youth”. The aim of the article is to identify and classify various types of author’s innovations and their role in the text. The research methods include a comprehensive sampling of occasional forms, their comparison with the usual norm using systemic lexicography data, a corpus-based method using contexts from Russian National Corpus to determine the future functioning of the lexemes in Russian texts, and contextual-semantic analysis to establish the narrative and artistic functions of these innovations. Using historical and modern explanatory dictionaries, the authors identify deviations of Tolstoy’s new expressions from the linguistic norm of the late 1850s. The National Corpus of the Russian Language traces the subsequent functioning of these lexemes in the language of fiction and shows the influence of Tolstoy’s word creation on Russians vocabulary. Furthermore, the ideological and artistic functions of each type of innovation in revealing the inner world of the characters and shaping the narrative are established. The authors proved that Tolstoy’s linguistic innovation is proved to be not a collection of spontaneous and isolated original word usages, but a purposeful poetic device for detailing artistic space. The research contributes to the theory of linguistic innovation and understanding the ways author’s style influences literary language. The prospects of the research include subsequent studies of the linguistic context of the biographical trilogy and applying the developed methodology to the analysis of the idiostyles of other 19th-century writers.

Keywords: biographical trilogy, Youth, occasionalism, neologism, semantics, vocabulary, language norm

Authors' contribution: Romanov D.A. — setting aim and objectives, determining the methodology, processing the research results, preparing and editing the text; Kucherova M.A. — conducting the research and preparing the text.

Funding. The study was supported by grant No. 25-28-20226 from the Russian Science Foundation, “Contexts of L.N. Tolstoy’s biographical trilogy: 21st Century,” <https://rscf.ru/project/25-28-20226/>

Conflict of interest. Authors declare no conflict of interest.

Article history: received 15.10.2025; accepted 29.01.2026.

For citation: Romanov, D. A., & Kucherova, M. A. (2026). Language innovations of the “early” L.N. Tolstoy and their narrative-artistic functions. *Russian Language Studies*, 24(2), 210–225. (In Russ.). <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2026-24-2-210-225> EDN: OVNOUI

References

- Arkhangel'skaya, Yu. V. (2014). On “Dictionary of innovations of Leo Tolstoy: lexis, phraseology, aphorisms”. *Vestnik of Novgorod State University*, (83-1), 56–60. (In Russ.). EDN: TFLTWX
- Bylinka, A. I. (2024). Non-equivalent vocabulary in the translation of the novel “War and Peace” by Leo Tolstoy. *Naukosfera*, (5-1), 375–378. (In Russ.). <https://doi.org/10.5281/zenodo.11191182> EDN: ELWJDU
- Faleeva, A. S. (2021). The lexeme *vesna* as a means of figurative representation of the internal state of a person. *World of the Russian Word*, (4), 55–64. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1811-1629-2021-4-55-64> EDN: IDVEEO
- Feshchenko, V. V. (2023). Through discourse — to the heart of language: How neologisms are transferred. *Oriental Institute Journal*, (1), 106–114. (In Russ.). <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/106-114> EDN: VPFXMB
- Iordanidi, S. I. (2025). Theoretical foundations of Russian word-formation in the V.V. Lopatin’s and I.S. Ulukhanov’s works. In *Scientific directions and schools in modern Slavic lexicography*. Saint Petersburg: OR RAS Publ. (In Russ.). EDN: MCOBIW
- Kadim, M. M. (2017). Obsolete Lexicon of the Russian language: Archaisms (based on the work of Leo Tolstoy “The Prisoner of the Caucasus” and the article “A few words about the book “War and Peace”). *Philologos*, (3), 55–61. (In Russ.). EDN: ZHKDJP
- Lanskaya, O. (2020). Oral communication as reflection of house space in the works of L.N. Tolstoy. *Issues in Spoken Communication*, 9(2), 61–69.
- Liu, X., Xu, M., & Talybina, E. V. (2023). Aspect and tense forms of the Russian verb in describing the kinesic behaviour of the characters in A.P. Chekhov’s stories. *Russian Language Studies*, 21(1), 64–78. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/106-114> EDN: ZLYYYW
- Lomov, A. G. (2018). On the theory of “static” and “dynamic” phraseology. In *Questions of philology in modern research. International collection of scientific works dedicated to the memory of Yelets linguists* (pp. 338–342). Yelets: Bunin Yelets State University. (In Russ.). EDN: UUASGO
- Merkin, B. G. (2024). Children’s works by L.N. Tolstoy and K.D. Ushinsky. Comparative analysis on the basis of a frequent vocabulary dictionary. In *Russian Language in the Modern Educational Environment* (pp. 115–127). Smolensk: GAU DPO SOIRO Publ. (In Russ.).
- Molnar, A. (2023). Destruction of church language by Leo Tolstoy in the “Resurrection” novel. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, (3), 145–156. (In Russ.). <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-3-145-156> EDN: AIQNMA

- Putilina, M. A. (2017). The problem of agnomy in modern linguistics. Agonymous vocabulary of the religious sphere in Leo Tolstoy's "War and Peace". In *Seek ye first the Kingdom of God and His Righteousness (Matthew 6:33): Proc. of the XII International Forum* (pp. 200–202). Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University. (In Russ.). EDN: ZGRBRD
- Romanov, D. A. (2019). Language innovations of L.N. Tolstoy's works (1870s–1890) against the background of the semantic and stylistic neology of his creativity. *Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute*, (19), 92–99. (In Russ.). EDN: TWWIFR
- Romanov, D. A. (2020). Author's compound words (new formations) in L.N. Tolstoy's novel "War and Peace". In *Lekantovskie Readings: Proc. of the International Scientific Conf.* (pp. 270–276). Moscow: INU MGOU Publ. (In Russ.). EDN: RTJSMR
- Sorokin, Yu. S. (1965). *The Development of the Vocabulary of the Russian Literary Language in the 1830s–1890s*. Moscow, Leningrad: Nauka Publ. (In Russ.).
- Vinogradov, V. V. (1982). *Essays on the History of the Russian Literary Language of the 17th–19th Centuries*. Moscow: Vysshaya Shkola Publ. (In Russ.). EDN: VTFVXF
- Vinokur, G. O. (1959). *Selected Works on the Russian Language*. Moscow: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva Prosveshcheniya RSFSR Publ. (In Russ.).
- Zabolotskaya, A. R. (2023). Phraseological units in the novel of L.N. Tolstoy "Family Happiness" and features of their translation into English. *Journal of Russian Studies*, 4(2), 37–45. (In Russ.). EDN: ATCECW
- Zemskaya, E. A. (1992). *Word formation as an activity*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.). EDN: SIRWQD
- Zhdanova, E. A., & Ratsiburskaya, L. V. (2024). Lexical and word-formation innovations in Russian-language internet communication: Productive word-formation models. *Russian Language Studies*, 22(3), 350–362. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-22-3-350-362> EDN: RRNCCG
- Zolyan, S. T. (2022). Yuri Lotman: On problems of language and linguistics. *Voprosy Jazykoznanija*, (1), 106–119. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2022.1.106-119> EDN: KRLLXO
- Zweers, A. F. (1971). *Grown-up narrator and childlike hero: An analysis of the literary devices employed in Tolstoj's trilogy Childhood, Boyhood and Youth*. Hague: Mouton Publ.

Bio notes:

Dmitry A. Romanov, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Language and Literature, Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy, 125 Lenin Avenue, Tula, 300026, Russian Federation. *Research interests*: regional linguistic studies, language theory, literary theory, linguapoetics, linguastylistics. ORCID: 0000-0002-9650-3408. SPIN-code: 1110-3808. E-mail: kafrus@rambler.ru

Maria A. Kucherova, Assistant, Department of Russian Language and Literature, Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy, 125 Lenin Avenue, Tula, 300026, Russian Federation. *Research interests*: semiotics, communication theory, linguapoetics, linguastylistics. ORCID: 0009-0009-2502-7481. SPIN-code: 4137-4278. E-mail: merismus@mail.ru